Апулей.

Амуръ и Психея.

АМУРЪ И ПСИХЕЯ

СКАЗКА АПУЛЕЯ

переводъ съ латинскаго

Ю. А—дтъ.

Изданiе журнала «Пантеонъ Литературы».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Паровая типографiя Муллеръ и Богельманъ. Невскiй 148.
1893.

АМУРЪ и ПСИХЕЯ.

Изъ классической старины дошло до насъ проникнутое высокой поэзіей произведеніе, въ которой сила народнаго творчества сочеталась съ оригинальнымъ замысломъ ученаго философа. Въ раму фривольнаго романа вставлена прелестная картинка, отъ которой вѣетъ чистымъ ароматомъ любви; надъ міромъ жгучихъ наслажденій чувственности возвышается образъ плѣнительной дѣвушки съ опущенными глазами, съ непорочными мыслями. Прекрасная героиня фантастической сказки, она привлекала къ своимъ ногамъ свободныя искусства, и они увѣковѣчили ея черты въ художественныхъ твореніяхъ, въ картинахъ Рафаэля и Анджелики Кауфманъ, въ скульптурныхъ группахъ Кановы и Торвальдсена. Рядомъ съ нею, въ ореолѣ античной красоты выступаетъ крылатый богъ любви, во власти котораго находится все живое. Мишенью своихъ напитанныхъ сладкою отравою стрѣлъ онъ избралъ человѣческія сердца, но онъ и самъ не уберегъ своего собственнаго оружія и ранилъ себя въ тотъ мигъ, когда, пролетая надъ землей, увидѣлъ одну изъ изъ ея прелестныхъ дщерей. И вотъ, покорный рабъ самого себя, онъ послѣдовалъ за своей избранницей, и она отдала ему свои дѣвственныя ласки. Но прежде чѣмъ союзъ небеснаго съ земнымъ подарилъ міру Наслажденіе (Voluptas), влюбленной парѣ пришлось испытать много горя и выдержать долгую борьбу съ божественной и человѣческой завистью.

Исторію этой дѣвушки и этого бога передаетъ Апулей въ своей сказкѣ «Амуръ и Психея», вставленной въ его же романѣ «Золотой Оселъ». Апулей родился около 125 года по Р. Х. въ Африкѣ; воспитывался онъ въ Карѳагенѣ, вкусилъ всѣ плоды аѳинской и римской культуры и былъ страстнымъ поклонникомъ элевзинскихъ таинствъ, этого «франкъ-массонства древности». Ученый и мистикъ, онъ возбудилъ даже противъ себя обвиненіе въ колдовствѣ. Какъ писатель, онъ стоитъ не очень высоко; напыщенный, неправильный и слишкомъ яркій стиль составляетъ его характерную особенность.

Сюжетъ предлагаемой сказки заимствованъ изъ сокровищницы

народнаго творчества и варьируется во многихъ произведеніяхъ индо-европейской сказочной литературы. Но Апулей не имѣлъ въ виду ограничиваться только литературной обработкой давно извѣстной саги; онъ далъ значительную волю своей индивидуальности и, пренебрегши національнымъ колоритомъ, возвелъ изящное, тонко отдѣланное зданіе тамъ, гдѣ до него лежалъ лишь необработанный матеріалъ. Прежде всего онъ прикрылъ свое произведеніе сатирической дымкой. Оно написано къ ту эпоху, когда язычество потеряло свой былой престижъ, когда и боги должны были силой человѣческаго анализа. И вотъ мы видимъ, что въ сказкѣ Апулея небожители низведены на землю со всѣми своими слабостями и пороками. Тускнѣетъ ореолъ, осѣнявшій ихъ лики, спадаютъ священные покровы, и предъ нами являются грѣшныя существа, которыя такъ же хорошо умѣютъ завидовать, лгать, мстить и развратничать, какъ и мы, люди. Къ развѣнчаннымъ олимпійцамъ пріятельски подходитъ сатирикъ, разоблачаетъ ихъ сердечныя тайны, передаетъ о нихъ игривые анекдоты и совсѣмъ не боится ихъ молніеноснаго гнѣва. Предъ нами Венера. Религіозный скептицизмъ, пошатнувъ уваженіе къ богамъ, оказались совершенно безсильными предъ ея лучезарными глазами, и она осталась такой же прекрасной, какой была въ тотъ мигъ, когда на радость всему міру вышла нагою дѣвственницей изъ морской пѣны. Но и для нея отыскивается уже соперница, съ нею вступаетъ въ состязаніе красавица-царевна. Правда, греческая миѳологія знаетъ о случаяхъ соперничества людей съ богами, но она знаетъ и то, что дерзкіе смертные всегда искупали ужасной цѣною свои притязанія, а здѣсь, въ этой борьбѣ, побѣдила не богиня, а дѣвушка. Кромѣ того, Венера въ изображеніи Апулея является женщиной par exellence, женщиной, которая привыкла видѣть у своихъ ногъ поклонниковъ, женщиной ревнивой, кокетливой, живущей только для наслажденія. Какъ и любая дочь Евы, она много заботится о своей наружности, она капризна, мстительна, измѣняетъ своему мужу. Въ той комической роли свекрови, которую ее заставляетъ играть Апулей, она также напоминаетъ жизненную реальность... Настоящая аристократка, Венера никакъ не можетъ примириться съ мыслью о mesallianc'ѣ своего сына. Для того, кто найдетъ дерзкую Психею, она не стѣсняется готовить такую награду, какъ свои ласки и поцѣлуи. Въ виду той же сатирической цѣли, авторъ и Юпитера изобразилъ, какъ верховнаго ловеласа, преслѣдующаго своею олимпійскою любовью земныхъ дѣвушекъ.

Имена героя и героини (Амуръ — любовь, Психея — душа заставили уже древнихъ миѳологовъ видѣть въ этой сказкѣ) аллегорическое изображенiе человѣческой души въ ея отношенiяхъ къ небесной любви. Апулею приписывали всевозможныя намѣренiя; въ его сказку совершенно произвольно вкладывали какой-то особенной смыслъ. Подобно гетевскому «Фаусту», она послужила объектомъ остроумiя для многихъ ученыхъ толкователей. Но едва ли не безплодны всѣ попытки видѣть въ «Амурѣ и Психеѣ» сплошное иносказанiе. Хотя Апулей, въ своемъ произведенiи и раздваивается, такъ сказать, на простаго, остроумнаго разсказчика и на философа-мистика, но это еще не доказываетъ, что въ каждомъ штрихѣ его есть нѣчто таинственное. Обращенiе Психеи къ Деметрѣ, рожденiе у нея *дочери* Voluptas (между тѣмъ какъ раньше говорилось о *сынѣ*), появленiе такихъ персонажей, какъ Привычка, Печаль, Горесть—все это, конечно, отзывается аллегорiей и мистицизмомъ, но не придаетъ однако специфическаго колорита всему произведенiю. Противъ аллегорическаго смысла сказки говорятъ ея реализмъ и жизненность. Въ самомъ дѣлѣ, аллегорiя по большей части бываетъ блѣдна, туманна, поверхностна; если она прикрываетъ собою какую-нибудь отвлеченную идею, то ей опасно входить въ детали, среди которыхъ легко запутаться. Она пользуется общими штрихами и не знаетъ оттѣнковъ и переливовъ; вотъ почему отъ нея вѣетъ часто холодомъ и скукой.

Совсѣмъ не такое впечатлѣнiе производитъ сказка Апулея. Она такъ и дышетъ жизнью, предъ нами не мертвые манекены, на которые аллегорiя навѣшиваетъ свои идеи, а живые люди и живыя страсти. Развѣ Венера не прекрасно нарисованный типъ женщины. Какъ выдержанъ ея характеръ, какiя жизненно-вѣрныя рѣчи вложилъ ей Апулей въ прекрасныя уста! Возьмемъ, далѣе, Психею. Это—робкое, чистое, цѣломудренное существо. Любящая дочь, влюбленная подруга Амура, она чаруетъ своей женственностью; въ ней такъ много того, что Гете называетъ «das ewig weibliche». Кстати,— Гете. Великiй нѣмецкiй поэтъ очень высоко цѣнилъ сказку Апулея, и намъ кажется, что его Гретхенъ похожа на прелестную язычницу. Маргарита, эта чудная бѣлокурая дѣвушка, обладаетъ такою же красотой, такою же наивной ясностью души, какъ и Психея. Обѣ онѣ много страдали и много любили. Мирное теченiе жизни Гретхенъ было обречено преступленiемъ; убiйствомъ сестеръ запятнала себя и Психея. Но Апулей не бичуетъ ея за это, ея мстительность не клеймится имъ, какъ черта, свойственная языческому

міровоззрѣнію. Это опять показываетъ, что онъ имѣлъ въ виду не абстракцію, а живаго человѣка своего времени.

Принимая во вниманіе, что публика имѣетъ возможность познакомиться на русскомъ языкѣ со сказкой Апулея только въ тяжеломъ архаическомъ переводѣ Кострова, сдѣланномъ въ концѣ прошлаго столѣтія, или въ тоже устарѣвшей поэмѣ Богдановича «Душенька», мы рѣшаемся предложить ей нашъ переводъ, чтобы хотя до нѣкорой степени раскрыть предъ нею изъ-подъ оболочки чуждаго языка одну изъ жемчужинъ классическаго творчества.

АМУРЪ И ПСИХЕЯ.

Сказка Апулея.

Въ нѣкоторомъ государствѣ жили царь съ царицей. Они имѣли трехъ замѣчательно-красивыхъ дочерей; но наружность старшихъ двухъ можно было вполнѣ оцѣнить обыкновенными похвалами, а красота младшей была такъ восхитительна, такъ дивна, что бѣдный человѣческій языкъ не въ состояніи былъ воздать ей достаточной похвалы. Множество жителей этого царства и пришельцевъ, которыхъ массами привлекала туда молва о чудномъ зрѣлищѣ, цѣпенѣли отъ изумленія при видѣ этой недосягаемой прелести и, благоговѣйно подымая руки, поклонялись ей, словно самой богинѣ Венерѣ.

И вотъ уже въ сосѣднихъ государствахъ и областяхъ распространяется слухъ, что богиня, которую родила лазоревая пучина моря и вскормила роса пѣнящихся волнъ, повсюду разсыпавъ милости своего божества, живетъ теперь среди людей, или что, по крайней мѣрѣ, изъ новаго сѣмени небесныхъ капель [1]) не влага, а суша возростила новую Венеру, украшенную цвѣтомъ дѣвственности. Съ каждымъ днемъ эта молва все болѣе и болѣе разростается и проникаетъ все дальше и дальше. Уже многіе отправляются въ далекій путь, переплываютъ и глубочайшія моря, чтобы увидѣть это знаменательное чудо своего времени. Никто не посѣщаетъ больше

---

1) Намекъ на философскую теорію, по которой все сущее произошло изъ смѣшенія влаги съ землей.

Пафа, никто не посѣщаетъ ни Книда, ни даже Киѳеръ [1]) для лицезрѣнія Венеры. Ея святилища покинуты, ея храмы приходятъ въ упадокъ, жертвенныя подушки портятся, религіозные обряды забыты, статуи—безъ вѣнковъ, и осиротѣвшіе алтари осквернены холодной золой. Дѣвушкѣ поклоняются и въ человѣческомъ обликѣ чтятъ великую богиню. Совершаетъ ли царевна свои утреннія прогулки, шествуетъ ли по улицамъ,—густыя толпы народа молятся на нее и осыпаютъ ее цвѣтами и гирляндами. Это чрезмѣрное перенесеніе божественныхъ почестей на смертную дѣвушку возбудило гнѣвъ истинной Венеры, и она, не скрывая своего негодованія, подумала въ глубинѣ своего сердца: „такъ, значитъ, я, древняя мать природы, я, первоначальная создательница элементовъ, благодатная Венера вселенной, я должна раздѣлять со смертной воздаваемыя моему величію почести, и вотъ уже мое имя, нареченное небесами, оскверняется земною грязью! Да, намъ обѣимъ станутъ поклоняться и—о, стыдъ, о, позоръ!—намъ будутъ приносить общія умилостивительныя жертвы, и смертная дѣвушка воплотится въ мой образъ! Такъ, значитъ, напрасно тотъ пастухъ [2]), справедливость и честность котораго призналъ самъ Юпитеръ, напрасно предпочелъ меня великимъ богинямъ за мою выдающуюся красоту? Но нѣтъ! не на радость себѣ—кто-бъ она ни была—похитила она мои почести: ужъ я устрою такъ, что она раскается въ своей наглой красотѣ!“

И сейчасъ же зоветъ она своего сына, того крылатаго безразсуднаго мальчика, который въ своемъ легкомысліи попираетъ общественныя приличія и, вооруженный факеломъ и стрѣлами, врывается по ночамъ въ чужіе дома, разрушаетъ супружеское счастіе, безнаказанно дѣлаетъ всякія пакости,—словомъ, не занимается ничѣмъ путнымъ. Такъ вотъ его, уже по своей природѣ достаточно дерзкаго, Венера еще болѣе подстрекаетъ зажигательными рѣчами, приводитъ его въ то

---

[1]) Пафъ—городъ на западномъ берегу Кипра; Книдъ—главный городъ дорійскаго союза въ М. Азіи; Киѳеры—островокъ у входа въ Лаконскій заливъ,—все это мѣста культа Венеры.

[2]) Парисъ.

государство и показываетъ ему Психею (такъ звали дѣвушку)· Затѣмъ она, плача и дрожа отъ негодованія, разсказываетъ ему всю исторію о соперничествѣ въ красотѣ и говоритъ: „заклинаю тебя любовью къ матери, сладостными ранами твоихъ стрѣлъ, нѣжнымъ пыломъ твоего факела,—отомсти за свою мать, грозно отомсти и накажи надменную красавицу. Напряги всѣ усилія къ тому, чтобы эта дѣвушка безумно влюбилась въ самаго низкаго, обездоленнаго человѣка, несчастнѣе котораго нѣтъ на всемъ свѣтѣ". Съ этими словами она прильнула къ сыну долгимъ и страстнымъ поцѣлуемъ и тотчасъ же отправилась на отражающій волны берегъ. Лишь только ступила она розовыми ножками на пѣну клокотавшихъ волнъ,—мгновенно улеглась морская пучина, и вотъ свита богини покорно ожидаетъ ея приказаній, чтобы исполнить ея волю. Вотъ являются поющія Нереиды [1]), вотъ шершавый Портунъ съ темной бородою, вотъ Салацiя, которой тяжело отъ лежащихъ на ея груди рыбъ, вотъ маленькій возница дельфиновъ—Палемонъ [2]). Повсюду на морѣ рѣзвятся толпы тритоновъ [3]); этотъ нѣжно трубитъ въ звучную раковину, тотъ шелковымъ покрываломъ защищаетъ богиню отъ зноя враждебнаго солнца, иной держитъ предъ глазами своей повелительницы зеркало, другіе впрягаются въ ея парную колесницу. Такая свита сопровождаетъ Венеру въ океанъ.

Между тѣмъ прелестная Психея не пожинаетъ плодовъ своей красоты. На нее всѣ смотрятъ, ее всѣ хвалятъ, но никто—ни царь, ни царевичъ, ни даже простолюдинъ—не приближаются къ ней съ желаніемъ взять ее въ супруги. Удивляются, правда, ея божественной красѣ, но удивляются, какъ чудному произведенію художника. Уже давно двѣ старшія сестры, объ умѣренной красотѣ которыхъ не было никакихъ толковъ, обрученныя съ царственными юношами наслаждаются счастливой семейной жизнью, а Психея сидитъ дома, словно дѣвственная вдова. Больная тѣломъ, удрученная

---

1) Нереиды—дочери Нерея, одного изъ морскихъ божествъ.

2) Портунъ—римскій богъ гаваней; Салацiя—богиня морской воды, Палемонъ—морское божество.

3) Тритоны—низшія морскія божества, полу-рыбы, полу-люди.

духомъ, она горько оплакиваетъ свое одиночество и проклинаетъ свою превознесенную всѣми красоту. И вотъ огорченный отецъ несчастной дочери, подозрѣвая небесный гнѣвъ и боясь немилости всевышнихъ боговъ, обращается къ древнѣйшему оракулу милетскаго бога съ горячей мольбой о женихѣ для отверженной дѣвушки. Но Аполлонъ, хотя грекъ-іоніецъ, отвѣтилъ ему такимъ латинскимъ изреченіемъ:

«Дѣвушку, царь, на утесѣ поставь ты высочайшей,
Такъ обрядивши ее, точно бы въ гробъ полагалъ;
И не надѣйся на зятя, рожденнаго смертной женою:
Будетъ жестокъ онъ и дикъ, золъ и ужасенъ, какъ змѣй.
Онъ по эфиру летитъ надъ землей и весь міръ безпокоитъ,
Каждаго сталью, огнемъ можетъ легко поразить;
Даже Юпитеръ дрожитъ передъ нимъ, божества всѣ боятся,
Мрачная Стикса страна тоже страшится его» [1]).

Царь, недавно счастливый, выслушавъ изреченіе святаго оракула, въ тоскѣ и печали возвращается домой и передаетъ своей супругѣ безотрадное повелѣніе судьбы. Въ теченіе нѣсколькихъ дней они скорбятъ, плачутъ, рыдаютъ. Но вотъ наступаетъ время, когда нужно, наконецъ, выполнить горестный обрядъ. Уже дѣлаются большія приготовленія къ печальной свадьбѣ несчастной дѣвушки, уже пламя факела едва мерцаетъ въ черной золѣ, звуки флейты смѣняются жалобными лидійскими напѣвами [2]), и радостный гименей [3]) переходитъ въ плачевный вопль; невѣста утираетъ слезы своей брачной фатой. Все государство оплакиваетъ грустную участь несчастной семьи, и въ странѣ устанавливается всеобщій трауръ. Между тѣмъ необходимо было исполнить божественное повелѣніе, необходимо было подвергнуть бѣдную Психею назначенной карѣ. И вотъ, когда окончилось печальное торжество, толпа народа двинулась за Психеей, которая вся въ слезахъ шла, какъ живая покойница, въ своемъ не брачномъ, а похоронномъ кортежѣ.

Опечаленные и убитые горемъ родители медлили совер-

---

1) Переводъ этихъ стиховъ принадлежитъ г. А. Смирнову.

2) Лидія считалась какъ бы родоначальницей такихъ грустныхъ напѣвовъ.

3) Гименей—свадебная пѣснь.

шить неслыханное дѣяніе, но дочь сама побуждала ихъ къ этому. „Зачѣмъ“, говорила она, мучите вы свою несчастную старость безпрестаннымъ плачемъ и обезсиливаете рыданьями свою душу, которая скорѣе принадлежитъ мнѣ? Зачѣмъ струите вы безплодныя слезы по дорогимъ мнѣ лицамъ? Зачѣмъ въ своихъ очахъ терзаете мои глаза? Зачѣмъ вы рвете свои сѣдины, зачѣмъ ударяете себя въ священныя для меня груди? Вѣдь это вамъ достойная награда за мою дивную красоту, но получили вы ее слишкомъ поздно, когда вы уже поражены смертельнымъ ударомъ презрѣнной зависти. Тогда, когда племена и народы чтили насъ божескими почестями, когда всѣ единогласно называли меня новой Венерой,—вотъ тогда должны были вы печалиться, тогда должны были вы плакать и скорбѣть обо мнѣ, какъ объ умершей. Ибо теперь я чувствую, теперь я вижу, что погибаю только изъ-за имени Венеры. Такъ ведите же меня и поставьте на утесъ, къ которому меня приговорила судьба. Я спѣшу отпраздновать свою счастливую свадьбу, я спѣшу увидѣть моего благороднаго супруга. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему мнѣ колебаться, къ чему отсрачивать приходъ того, кто созданъ для гибели цѣлаго міра“? Съ этими словами она присоединилась къ сопровождавшей ее толпѣ. И вотъ достигли назначеннаго утеса крутой горы. На вершинѣ ея всѣ оставили дѣвушку и, потушивъ собственными слезами горѣвшіе факелы, съ поникшими головами отправились въ обратный путь. Несчастные родители заперлись въ своемъ домѣ и обрекли себя на безпрерывную ночь.

А Психея стояла на вершинѣ утеса и, вся дрожа, рыдала отъ страха. Но мягкое дуновеніе тихаго Зефира нѣжно подхватило ее и, вздувая края ея платья, осторожно снесло по скату горы въ сосѣднюю долину и опустило на цвѣтущій дернъ. Тамъ, на мягкой муравѣ, на ложѣ росистой зелени, она сладко заснула, отдыхая послѣ душевнаго потрясенія. Подкрѣпившись достаточнымъ сномъ, она встала уже немного успокоенная. Вотъ увидѣла она рощу высокихъ и развѣсистыхъ деревьевъ, а на самой серединѣ ея—свѣтлый источникъ прозрачной воды. Вблизи него стоялъ царскій дворецъ,

построенный не человѣческими руками, а божественнымъ искусствомъ. Уже при самомъ входѣ можно было понять, что это—роскошное и прелестное жилище какого-нибудь бога. Золотыя колонны поддерживали его высокіе потолки, искусно отдѣланные лимоннымъ деревомъ и слоновой костью. Стѣны были покрыты серебряными инкрустаціями, изображавшими щетинистыхъ звѣрей, которые какъ бы устремлялись навстрѣчу входившимъ. Несомнѣнно, замѣчательнымъ человѣкомъ, вѣроятно даже полубогомъ, а пожалуй, и богомъ былъ тотъ, кто съ такимъ совершенствомъ вычеканилъ изъ серебра столько звѣрей! Даже полы, сдѣланные изъ драгоцѣнной мозаики, представляли собой различные роды живописи. О, блаженны, трижды блаженны тѣ, которые ступаютъ по такимъ драгоцѣнностямъ! И остальныя части этого далеко простиравшагося чертога съ его стѣнами изъ массивнаго золота сіяли особеннымъ блескомъ, и дворецъ могъ бы доставлять себѣ собственный свѣтъ даже безъ помощи солнца: до такой степени сверкали покои, портики, даже ванныя комнаты! Да и все прочее убранство дворца было такъ величественно, что онъ казался небеснымъ жилищемъ, построеннымъ для земнаго пребыванія великаго Юпитера. Плѣненная этой роскошью, Психея подошла ближе и нѣсколько довѣрчивѣе переступила порогъ. Съ жаднымъ любопытствомъ стала она разсматривать отдѣльныя вещи, а потомъ осмотрѣла находившіяся по другой сторонѣ дворца кладовыя, въ которыхъ были собраны всевозможныя сокровища: рѣшительно, нѣтъ ничего на свѣтѣ, чего бы тамъ не было. Но особенно удивительно было то, что всѣ эти богатства не охранялись ни замкомъ, ни запорами, и не оберегались сторожемъ.

Въ то время какъ Психея наслаждалась этимъ зрѣлищемъ, до ея слуха донеслись голоса какихъ-то безплотныхъ существъ: „почему, госпожа, ты такъ удивляешься этимъ драгоцѣнностямъ? Вѣдь все это—твое. Войди же въ опочивальню, возстанови сномъ свои утомленныя силы, а, если хочешь, прими ванну. Мы, чьи голоса ты слышишь,—твои рабыни; мы будемъ ревностно служить тебѣ, и если тебѣ угодно будетъ подкрѣпиться пищей, —немедленно появятся царскія

явства". Услышавъ эти безтѣлесные голоса, Психея почувствовала божественную благодать. Она освѣжила себя сномъ и ванной, а затѣмъ, увидѣвъ полукруглое возвышеніе съ обѣденнымъ приборомъ, охотно присѣла къ нему. Сейчасъ-же, безъ всякихъ слугъ, движимыя какимъ-то чудомъ, явились передъ ней божественныя вина и наполненныя всевозможными яствами блюда. Никого не видѣла Психея, она слышала только слова, ей прислуживали голоса. Когда она окончила свою божественную, роскошную трапезу, кто-то запѣлъ, другой ударилъ по струнамъ невидимой цитры, и она услышала пѣнье многочисленныхъ голосовъ, такъ что она, хотя никого не было видно, поняла, что предъ нею цѣлый хоръ. Наступилъ вечеръ, прекратились развлеченія, и Психея пошла ко сну. Когда миновала уже часть ночи, ей послышался чей-то ласковый голосъ. Безпокоясь среди полнаго одиночества за свою дѣвственность, она испугалась, задрожала, и невѣдѣніе еще болѣе усилило ея страхъ. И вотъ явился неизвѣстный супругъ, взошелъ на ложе Психеи, сочетался съ ней брачными узами и, прежде чѣмъ показалась заря, мгновенно исчезъ. А у постели новобрачной ожидали голоса и стали утѣшать Психею въ потерѣ ея невинности.

Такъ продолжалось это въ теченіе долгаго времени, и постепенно—такова человѣческая природа—Психея привыкла къ своему новому положенію; оно даже радовало ее, а звукъ невѣдомаго голоса служилъ ей утѣшеніемъ въ одиночествѣ.

Между тѣмъ, родители ея старѣлись въ безпрерывной печали. Когда молва о случившемся достигла сестеръ Психеи, онѣ въ глубокой скорби немедленно покинули своихъ пенатовъ, чтобы навѣстить родителей.

Въ ту же самую ночь съ такими словами обратился къ своей Психеѣ ея супругъ (его нельзя было видѣть, но можно было касаться руками и слышать): „милая моя Психея, дорогая жена моя! Злая судьба грозитъ тебѣ ужасной опасностью, которой я прошу тебя старательно избѣгать. Твои сестры, огорченныя слухомъ о твоей смерти, отыскиваютъ твои слѣды и сейчасъ придутъ къ утесу. И вотъ, если ты услышишь ихъ плачъ и вопли, не отвѣчай имъ, не смотри

даже на нихъ, иначе ты причинишь мнѣ тяжелое горе, а себѣ—неминуемую гибель". Она послушалась и обѣщала исполнить его просьбу. Но лишь только онъ исчезъ вмѣстѣ съ ночью, она стала горевать и цѣлый день провела въ слезахъ и жалобахъ, что она-де окончательно погибла, заключенная въ роскошную тюрьму, что ей запрещено разговаривать съ людьми, что она не смѣетъ помочь скорбящимъ о ней сестрамъ и даже повидаться съ ними. Она не приняла ванны, ничего не пила, не ѣла и, плача, пошла спать. Сейчасъ же, раньше обыкновеннаго, явился къ ней на ложе супругъ и, обнявъ ее, сказалъ ей съ нѣжнымъ упрекомъ: „такъ ты держишь свое обѣщаніе, моя Психея? Чего жъ я, твой мужъ, могу ожидать отъ тебя, на что надѣяться, если ты и днемъ, и ночью и даже въ супружескихъ объятіяхъ не перестаешь тосковать? Ну, дѣлай же, какъ хочешь, и склонись на гибельныя побужденія твоего сердца, но ты вспомнишь о моемъ предостереженіи, когда почувствуешь позднее раскаяніе".

Но Психея мольбами и угрозами, что она умретъ, вырвала у него согласіе на свое желаніе увидѣть сестеръ, успокоить ихъ и расцѣловать. Онъ снизошелъ къ просьбамъ своей молодой жены и даже позволилъ ей одарить сестеръ какими ей угодно драгоцѣнностями, но при этомъ снова наказалъ ей не слушаться ихъ гибельныхъ совѣтовъ и не стараться увидѣть его лицо; иначе она своимъ преступнымъ любопытствомъ низвергнетъ себя съ высоты счастья и навѣки лишится объятій супруга. Психея поблагодарила его и, развеселившись, сказала: „о, нѣтъ! я лучше сто разъ умру, чѣмъ откажусь отъ блаженства твоихъ лобзаній! Вѣдь я люблю тебя, люблю страстно, какъ свою душу; кто бы ты ни былъ, ты для меня лучше Амура. Но молю тебя: сдѣлай мнѣ одолженіе и прикажи твоему слугѣ Зефиру перевезти сюда моихъ сестеръ, какъ онъ перевезъ меня". И къ своей просьбѣ она для большей убѣдительности присоединяетъ нѣжные поцѣлуи, прижимается къ нему и шепчетъ ласковыя имена: „мой желанный, мой ненаглядный муженекъ, милая душа твоей Психеи!" И мужъ не могъ противиться власти любви и этому плѣни-

тельному шепоту; противъ своей воли онъ уступилъ женѣ и обѣщалъ ей исполнить ея желаніе, а на зарѣ онъ высвободился изъ ея объятій.

Между тѣмъ сестры отправились къ тому утесу, на которомъ, какъ онѣ узнали, была оставлена Психея. Онѣ стали плакать, ударять себя въ грудь, такъ что, наконецъ, камни отозвались эхомъ на ихъ безпрерывные стоны. Потомъ онѣ начали звать сестру по имени, и ихъ пронзительные вопли по стремнинамъ горы донеслись до Психеи. Страшно взволнованная, она выбѣжала изъ дому и сказала: „зачѣмъ вы напрасно рыдаете? Та, о которой вы печалитесь, здѣсь—вотъ я! Прекратите же свои вопли, осушите слезы на своихъ щекахъ и обоймите меня, меня, которую вы только что оплакивали“. Съ этими словами она позвала Зефира и передала ему повелѣніе своего мужа. Тотъ немедленно повиновался и на своихъ легкихъ дуновеньяхъ снесъ обѣихъ сестеръ. Начались взаимныя объятія, ласки, безчисленные поцѣлуи, и снова полились слезы, но теперь уже радостныя. „Ну, а теперь“, сказала Психея, „войдемте въ домъ, къ нашимъ пенатамъ и свиданіе со мною развеселитъ ваши опечаленныя сердца“. И она ввела ихъ въ свой золотой чертогъ, показала его сокровища, дала имъ послушать многолюдную толпу голосовъ—прислужницъ, освѣжила ихъ великолѣпной ванной и угостила роскошными яствами волшебнаго стола. Сестры пресытились, наконецъ, этой пышностью и въ глубинѣ своихъ сердецъ почувствовали зависть къ Психеѣ. И вотъ одна изъ нихъ стала настойчиво разспрашивать ее, кто хозяинъ этого небеснаго имущества, кто и каковъ ея супругъ. Психея, однако, ни за что не хотѣла нарушить приказаніе супруга, и она не выдала своей сердечной тайны. Моментально придумала она, что ея мужъ—красивый юноша съ едва пробивающейся пушистой бородкой и что онъ большую часть времени проводитъ на охотѣ по горамъ и по полямъ. И для того, чтобы въ дальнѣйшей бесѣдѣ какъ-нибудь не проговориться, она одарила сестеръ золотыми вещами и драгоцѣнностями и, сейчасъ же позвавъ Зефира, велѣла ему умчать ихъ въ обратный путь. Онъ такъ и сдѣлалъ. У милыхъ сестричекъ все

сильнѣе и сильнѣе разгоралась желчная зависть, и онѣ, идучи домой, завели между собой шумный разговоръ. „О, слѣпая, жестокая и несправедливая судьба!“ сказала одна, „какъ ты могла допустить, чтобы мы, дочери однихъ родителей, получили совершенно различныя доли?! Мы, старшія, отданы какъ бы въ услуженіе супругамъ-чужеземцамъ, живемъ, точно изгнанницы, вдали отъ родныхъ и отечества, а она, младшая,—этотъ послѣдній плодъ утомленной материнской утробы,—она имѣетъ мужемъ бога и владѣетъ несмѣтными сокровищами, которыми не умѣетъ даже воспользоваться, какъ слѣдуетъ! Ты видѣла, сестрица, сколько у нея въ домѣ замѣчательныхъ драгоцѣнностей, какія роскошныя платья, какіе блестящіе перстни? А золото просто ногами топчетъ! И если ея мужъ, дѣйствительно, такой красавецъ, какъ она говоритъ, то на всемъ свѣтѣ нѣтъ женщины счастливѣе ея! И знаешь-ли, очень вѣроятно, что ея божественный супругъ въ концѣ концовъ такъ привяжется къ ней, что и ее сдѣлаетъ богиней! Да, да, это вѣрно: вѣдь она уже и теперь зазнается... Замѣтила ли ты ея обращеніе съ нами, ея гордую осанку? Она уже разыгрываетъ изъ себя богиню, ей прислуживаютъ голоса, ей повинуются вѣтры... А меня, несчастную, судьба наградила муженькомъ, который старше моего отца, плѣшивѣе тыквы, ничтожнѣе всякаго мальчишки! День деньской онъ стережетъ меня и запираетъ на ключъ въ домѣ...“— „Да и мой благовѣрный“, подхватила другая, „очень незавиденъ: весь искривленный и скорченный болѣзнью суставовъ, онъ такъ рѣдко доставляетъ мнѣ любовныя наслажденія... Я растираю его вывороченные и твердые, какъ камень, пальцы, пачкаю свои нѣжныя руки грязными припарками, тряпками и отвратительными пластырями, такъ что я вовсе не жена, а усердная сидѣлка. Но, ты, сестра, какъ я вижу, относишься къ поведенью Психеи очень равнодушно, даже съ рабской угодливостью (не буду я стѣсняться въ выраженіяхъ), ну, а я—ужъ нѣтъ! Я ни за что не допущу, чтобы эта дѣвчонка получила такой счастливый жребій! Вспомни, какъ надменно и высокомѣрно она обошлась съ нами, какъ чванилась и обнаружила всю свою спѣсь! Какъ неохотно швырнула намъ

изъ своихъ сокровищъ какую-то жалкую бездѣлицу и, тяготясь нашимъ присутствіемъ, приказала насъ вытолкать съ шумомъ и свистомъ! Но не будь я женщина, не будь я жива, если я не лишу ея всѣхъ этихъ сокровищъ! А если и ты, какъ слѣдуетъ ожидать, тоже возмущена такой обидой, то подумаемъ вмѣстѣ, какъ намъ поступить. И, главное, вотъ что: спрячемъ эти подарки и скроемъ отъ всѣхъ, даже отъ родителей, что мы знаемъ о ея спасеніи. Въ самомъ дѣлѣ, довольно съ насъ и того, что мы сами, на свою досаду, видѣли ея счастье; съ какой же стати болтать объ этомъ родителямъ и всему народу? Притомъ, вѣдь и нельзя назвать счастливыми тѣхъ, о благоденствіи которыхъ никто и слыхомъ не слыхалъ.

Такъ будемъ же молчать. Пусть она узнаетъ, что мы не служанки ея, а старшія сестры! Ну, а теперь возвратимся къ нашимъ мужьямъ, къ нашимъ небогатымъ, но вполнѣ приличнымъ хозяйствамъ и дома, на досугѣ, хорошенько обдумаемъ свой планъ. А потомъ снова сойдемся здѣсь и накажемъ эту гордячку".

Такъ обѣ злодѣйки и сдѣлали. Спрятавъ полученные подарки, онѣ возобновили свои притворные вопли, стали рвать на себѣ волосы, раздирать ногтями лицо и въ такомъ видѣ явились къ родителямъ. Разбередивъ своей фальшивой скорбью ихъ печаль, онѣ покинули ихъ и, готовыя лопнуть отъ злости, отправились по домамъ. И стали онѣ обдумывать ковы противъ невинной сестры, не останавливаясь даже предъ убійствомъ.

Между тѣмъ супругъ Психеи во время одного изъ своихъ ночныхъ посѣщеній сказалъ ей: „теперь ты видишь, какъ издалека хочетъ тебя настигнуть грозная участь? И горе было бы тебѣ, если бы ты заранѣе не остереглась! Вѣроломныя безстыдницы стремятся погубить тебя; въ особенности хотятъ онѣ, чтобы ты увидѣла мое лицо. Но вѣдь я тебя предупреждалъ, что если ты посмотришь на него, тебѣ ужь больше никогда не придется его видѣть. Поэтому, когда придутъ эти отвратительныя, зловредныя вѣдьмы (а онѣ придутъ, я знаю навѣрно), то не вступай съ ними ни въ какую бе-

сѣду. А если ты по своей врожденной деликатности и добротѣ душевной не можешь рѣшиться на это, то, по крайней мѣрѣ, о мужѣ своемъ ничего не слушай и ни слова не отвѣчай. И вотъ что имѣй въ виду: наша семья скоро увеличится, и если ты сохранишь нашу тайну, ты сдѣлаешься матерью безсмертнаго ребенка, а если ты ее разболтаешь, твой первенецъ будетъ смертенъ". При этомъ извѣстіи Психея вся расцвѣла отъ счастья, будущій залогъ любви привелъ ее въ восторгъ. Ей улыбалась надежда имѣть божественное дитя, а имя матери наполняло гордостью ея сердце. Въ тревожномъ ожиданіи стала она считать дни и мѣсяцы и съ удивленіемъ невинности замѣчала быстрое согрѣваніе своего плода.

А въ это время ея фуріи сестрицы уже плыли къ ней съ гнусной поспѣшностью, какъ ядовитыя ехидны. И вотъ снова заговорилъ съ Психеей ея мгновенный гость-супругъ: „насталъ рѣшительный день, опасность близка. Проклятыя женщины взялись за оружіе, лагерь двинутъ, войско готово, сигналъ данъ. Безбожныя сестры бросаются на тебя съ обнаженными мечами. Горе, горе! О, милая Психея! Сжалься надъ собой и мною, будь осмотрительна, спаси себя, твоего мужа и наше будущее дитя! Не смотри на этихъ преступницъ, не слушай ихъ! Развѣ ихъ можно назвать твоими сестрами, когда онѣ такъ ненавидятъ тебя, когда онѣ попрали всѣ узы крови! О, не слушай ихъ! когда онѣ, подобно сиренамъ, стоя на утесѣ, будутъ оглашать скалы своими коварными воплями".

Со слезами на глазахъ выслушала Психея эту рѣчь и, плача, сказала мужу прерывающимся отъ рыданій голосомъ: „вѣдь ты давно оцѣнилъ уже мою преданность тебѣ и молчаливость. А теперь ты снова убѣдишься въ силѣ моей воли. Но прикажи только опять нашему Зефиру соблюдать повиновеніе и вмѣсто недозволеннаго мнѣ лицезрѣнія твоего божественнаго лика позволь мнѣ, по крайней мѣрѣ, увидѣть моихъ сестеръ. Молю тебя объ этомъ! Заклинаю тебя раскинувшимися волнами твоихъ ароматныхъ кудрей, твоими нѣжными, полными, похожими на мои ланитами, чуждымъ для меня пыломъ твоего сердца! Вѣдь я скоро увижу твои черты

въ нашемъ младенцѣ, склонись же на покорныя мольбы твоей робкой просительницы, даруй мнѣ плодъ, достойный нашихъ искреннихъ объятій, и обрадуй душу навѣки преданной тебѣ Психеи! Я не буду больше всматриваться въ твое лицо, и не будетъ мнѣ помѣхой ночной мракъ: въ тебѣ—мой свѣтъ!" Упоенный и очарованный этими нѣжными ласками и объятіями, мужъ осушилъ ея слезы своими кудрями, обѣщалъ исполнить ея желаніе, и исчезъ, прежде чѣмъ показалась заря. А славная парочка дружныхъ сестрицъ, не повидавшись даже съ родителями, прямо съ корабля побѣжала къ утесу. Не дожидаясь появленія вѣтра, онѣ съ дерзкимъ безразсудствомъ бросились внизъ. Зефиръ, помня царское повелѣніе, долженъ былъ, хотя и неохотно, принять ихъ въ лоно тихаго дуновенья и опустить на землю. Онѣ сейчасъ же вошли въ чертогъ. Съ притворной любовью обнимая свою жертву и скрывая свое коварство подъ личиной добродушія, онѣ стали къ ней ластиться. „Ты ужъ", говорили онѣ, „не та маленькая Психея, что прежде: ты уже скоро сдѣлаешься матерью. О, если бы ты знала, какимъ подаркомъ для насъ будетъ твое дитя! Какую радость доставишь ты всей нашей семьѣ! Какъ мы будемъ счастливы, слѣдя за ростомъ твоего золотаго ребенка! И если онъ, какъ и надо ожидать, будетъ похожъ на своихъ родителей, то это, право, будетъ купидончикъ! И вотъ такою лестью онѣ мало по малу вползли въ душу сестры. Она усадила ихъ, утомленныхъ дорогой, на кресла, потомъ освѣжила теплой ваннной, повела ихъ въ роскошную столовую и угостила изысканными яствами. Велѣла она играть на цитрѣ — послышались чудные звуки, велѣла играть на флейтѣ—послышалась флейта, приказала пѣть—раздалось пѣніе. И всѣ эти прелестныя мелодіи невидимыхъ существъ способны были умилить сердца слушателей. Но злыя души преступницъ не смягчились даже этими чарующими напѣвами. Наоборотъ, сестрицы раскинули свои сѣти и стали осторожно вывѣдывать у Психеи, кто ея мужъ, откуда онъ родомъ и какой ведетъ образъ жизни. Психея въ простотѣ душевной забыла свой прежній разсказъ и выдумала, что мужъ-де ея изъ сосѣдней провинціи, что онъ ве-

детъ большую торговлю, что онъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, и у него уже пробивается сѣдина. Впрочемъ, она сейчасъ же уклонилась отъ этого разговора и, одаривъ сестеръ великолѣпными подарками, усадила ихъ на колесницу воздуха. Возвращаясь домой на мягкихъ дуновеньяхъ Зефира, онѣ опять стали злословить.—„Ну, сестрица, заговорила одна, что ты скажешь на нелѣпую ложь этой дуры? Въ прошлый разъ ея мужъ былъ юноша съ первымъ пушкомъ молодости, а теперь—это мужчина среднихъ лѣтъ съ серебрящимися волосами! Какъ же это онъ успѣлъ состарѣться въ такой короткій промежутокъ времени и кто онъ такой? Одно изъ двухъ: или эта противная женщина безсовѣстно лжетъ, или она сама въ лицо не знаетъ своего мужа. Какое бы изъ этихъ двухъ предположеній ни было вѣрно, ее во всякомъ случаѣ надо лишить богатства, и какъ можно скорѣе! Ибо если она, дѣйствительно, не знаетъ своего супруга, то очевидно, она—жена бога и беременна божкомъ. Ну, а если она—о, да не будетъ этого!—прослыветъ матерью божественнаго ребенка, то я немедленно удавлюсь съ досады! А покамѣстъ возвратимся къ родителямъ и тамъ придумаемъ, что намъ дѣлать теперь". Возбужденныя собственными словами, онѣ бодрствовали цѣлую ночь, а рано утромъ, дерзко и небрежно поговоривъ съ родителями, помчались къ утесу. Съ обычной помощью вѣтра онѣ быстро опустились въ долину, прибѣжали къ сестрѣ и, насильно выдавливая слезы изъ глазъ, сказали ей съ коварной уловкой: „ты въ своемъ счастливомъ невѣдѣніи безпечна и не знаешь, какая опасность грозитъ тебѣ, а мы, постоянно озабоченныя, глубоко страдаемъ за тебя. Ибо мы узнали и не можемъ скрыть отъ тебя, что огромный, извивающійся змѣй съ окровавленной и ядовитой шеей тайно спитъ съ тобою по ночамъ. Вспомни же теперь пиѳійское предсказаніе, которое сулило тебѣ бракъ съ дикимъ звѣремъ. Къ тому же многіе поселяне и сосѣдніе жители, охотящіеся въ этихъ мѣстностяхъ, видѣли, какъ змѣй по ночамъ возвращается съ пастбища и переплываетъ въ бродъ рѣку. Всѣ говорятъ, что онъ долго будетъ откармливать тебя вкусной пищей, а лишь только созрѣетъ твой плодъ, сожретъ тебя

вмѣстѣ съ нимъ. Теперь рѣшай, какъ знаешь: или послушайся насъ, озабоченныхъ твоимъ спасеньемъ, и переселись къ намъ, или похорони себя во внутренностяхъ змѣя. Ну, а если тебѣ больше нравятся эта уединенная долина съ ея мелодичными голосами и отвратительная связь съ ядовитымъ чудовищемъ, то мы, по крайней мѣрѣ, сдѣлали свое и поступили, какъ добрыя сестры".

Бѣдная, простодушная Психея пришла въ ужасъ отъ этого печальнаго извѣстія. Внѣ себя отъ страха, она совершенно забыла предостереженія мужа и свое обѣщаніе и какъ бы сама бросилась на встрѣчу своей гибели. Блѣдная и дрожащая, безъ кровинки въ лицѣ, она чуть слышно пролепетала: „да, мои дорогія сестры, вы исполнили свой долгъ, и тѣ, которые вамъ передали это, не обманули васъ, вѣроятно: я вѣдь никогда не видѣла въ лицо моего мужа, я даже не знаю, откуда онъ родомъ. Только по ночамъ я слышу его голосъ и чувствую, что около меня лежитъ какой то невѣдомый, избѣгающій свѣта супругъ. Да, да, вы правы: это какое то чудовище. Онъ постоянно отговариваетъ меня посмотрѣть его лицо и грозитъ мнѣ за любопытство большимъ несчастьемъ. Но что мнѣ дѣлать? Помогите же мнѣ, если только вы можете спасти вашу несчастную сестру; вѣдь одного только предостереженія недостаточно, чтобы отвратить грядущую бѣду". Такъ преступныя женщины проникли въ беззащитную душу Психеи и какъ бы съ мечами обмана въ рукахъ напали на ея боязливыя, робкія думы.

„Узы крови", сказала одна изъ нихъ, заставляютъ насъ ради твоего спасенія не остановиться ни предъ какою опасностью. Мы укажемъ тебѣ единственно вѣрное средство, ко-

сильный храпъ, ты сойди съ постели и осторожно, босикомъ, подойди къ лампѣ. Разсѣявъ ею мракъ, ты сообразишь, какъ тебѣ удобнѣе совершить свой прекрасный подвигъ. А затѣмъ подыми правую руку и со всей силы разсѣки приготовленнымъ ножемъ сочлененіе между головой и шеей дракона. Мы, конечно, не откажемъ тебѣ въ своей помощи, о нѣтъ, Мы въ тоскѣ и страхѣ будемъ ждать, пока его смерть не освободитъ тебя отъ несчастія, а затѣмъ поспѣшно уведемъ тебя вмѣстѣ со всѣми этими сокровищами и соединимъ тебя брачными узами съ настоящимъ мужчиной".

Сердце Психеи, конечно, загорѣлось отъ этихъ возбудительныхъ словъ. А сестры тотчасъ же оставили ее одну. Боясь, чтобы исходъ злодѣянія не былъ гибеленъ и для нихъ самихъ, онѣ, поднятыя на утесъ обычнымъ дуновеньемъ, бросились въ поспѣшное бѣгство, сѣли на корабль и умчались.

Итакъ, Психея одна. Она не слышитъ болѣе этихъ враждебныхъ фурій, но ей грустно, и она волнуется, какъ море въ непогоду. Она твердо рѣшилась исполнить задуманное, но она всетаки колеблется, трепещетъ, и ее обуреваютъ тяжелыя предчувствія. Она торопится и медлитъ, рѣшается и дрожитъ, сомнѣвается и негодуетъ и, что ужаснѣе всего, въ одномъ и томъ же существѣ ненавидитъ звѣря и обожаетъ супруга. Однако, когда наступилъ вечеръ, предвѣщая близкую ночь, он съ отчаянной поспѣшностью готовится къ безбожному преступленію. Настала ночь, явился мужъ. Утомленный любовной нѣгой, онъ скоро погрузился въ глубокій сонъ. Тогда Психея, вообще слабая и тѣломъ и душой, на этотъ разъ подкрѣпленная жестокостью судьбы, собралась съ силой, взяла лампу и схватила ножъ. Отвага словно измѣнила ея женственный полъ. Но лишь только свѣтъ озарилъ таинственное ложе, она увидѣла самаго добраго и милаго звѣрька,—она увидѣла прекраснаго бога Амура, разметавшагося въ прелестной позѣ. При видѣ его даже пламя лампады радостнѣе засіяло, и сверкнуло святотатственное остріе ножа. А Психея, пораженная этимъ зрѣлищемъ, вся поблѣднѣла, какъ мертвецъ. Съ трепетомъ опустилась она на колѣни и хотѣла спрятать остріе въ своей собственной груди. И она

сдѣлала бы это, если бы ножъ, испугавшись такого преступленія, не выскользнулъ изъ ея дрожавшихъ рукъ. Мало-по малу она оправилась, и вотъ она стоитъ, вся охваченная сладостнымъ чувствомъ. Она любуется прелестью золотистыхъ кудрей, умащенныхъ амврозіей; она любуется молочно-бѣлой шеей и пурпурными щечками Амура. Красиво перепутались безпорядочно разбросанныя кольца его волосъ, отъ золотистаго блеска которыхъ потускнѣло пламя лампады. На плечахъ его сверкали бѣлоснѣжныя крылья и, хотя онѣ были въ покоѣ, всетаки крайнія тоненькія и нѣжныя перышки дрожали и рѣзвились. И все тѣло Амура было такъ нѣжно, такъ прелестно, что не могло оно заставить Венеру раскаиваться въ его рожденіи.

У ножекъ постели лежали лукъ, колчанъ и стрѣлы—это кроткое оружіе могущественнаго бога. Психея стала съ любопытствомъ осматривать все это, взяла въ руки и удивлялась доспѣхамъ своего мужа. Вотъ вынула она изъ колчана стрѣлу и, пробуя ея остріе, уколола себѣ пальчикъ, такъ что сквозь нѣжную кожу проступили капли розовой крови. Такимъ образомъ Психея, сама того не зная, привила себѣ любовь къ богу любви. Все болѣе и болѣе распаляясь къ нему страстью, она наклонилась надъ нимъ и стала шаловливо осыпать его пламенными поцѣлуями, боясь въ то же время, чтобы онъ не проснулся. Но въ это время лампа—вслѣдствіе ли презрѣннаго вѣроломства или изъ гнусной зависти, или же потому, что ей самой захотѣлось прикоснуться поцѣлуемъ къ такому прекрасному тѣлу,—какъ бы то ни было — лампа уронила со своей свѣтильни каплю горячаго масла на правое плечо бога... О дерзкая, неразумная лампа, ты, невѣрная рабыня любви! горе тебѣ, что ты обожгла того, кто самъ властитель всякаго огня! Горе тебѣ, хотя и придумалъ тебя впервые какой то любовникъ, чтобы и по ночамъ дольше обладать предметомъ своихъ желаній!

Обожженный богъ вскочилъ съ постели и, сразу понявъ, что Психея нарушила свое слово, безмолвно исчезъ изъ глазъ и рукъ своей несчастной жены. Психея успѣла, правда, ухватиться обѣими руками за его колѣно и хотѣла умчаться вмѣ-

стѣ съ нимъ, какъ жалкая спутница его полета по заоблачнымъ высямъ, но, обезсиленная отчаянной и напрасной борьбой, упала на землю. Не покинулъ ея, однако, любовникъ-богъ; онъ взлетѣлъ на сосѣднiй кипарисъ и съ вершины его въ глубокомъ волненiи сказалъ ей: „о, неразумная Психея! Вопреки повелѣнiю моей матери, которая приказала мнѣ возбудить въ тебѣ постыдную любовь къ самому низкому человѣку и выдать за него замужъ, я самъ полюбилъ тебя. О, теперь я знаю, что поступилъ легкомысленно! Какъ! Неужели для того я, прекрасный стрѣлокъ, поразилъ своимъ лукомъ самого себя и сдѣлалъ тебя моей супругой, чтобы ты приняла меня за какое то чудовище и задумала отрубить мнѣ голову, мое лицо, на которомъ сiяютъ влюбленные въ тебя глаза?! А вѣдь сколько разъ я предостерегалъ тебя, сколько разъ дружески просилъ не дѣлать этого! Ну, твои милыя совѣтницы сейчасъ же поплатятся мнѣ за свои наставленiя, а тебя я накажу только разлукой со мною“. Съ этими словами онъ взмахнулъ крыльями и поднялся къ небесамъ. Психея, распростертая на землѣ, слѣдила за полетомъ мужа и горько рыдала. И когда онъ окончательно скрылся изъ ея глазъ, она бросилась въ ближайшую рѣку. Но добрая рѣка, боясь за себя и желая угодить тому богу, который умѣетъ жечь и самыя воды, сейчасъ же подхватила ее безвредной волной и положила ее на цвѣтущiй берегъ. Случайно въ это время у изгиба рѣки сидѣлъ сельскiй богъ Панъ и, держа въ своихъ объятiяхъ горную богиню Эхо, училъ ее повторять всевозможные отзвуки; вблизи блуждали козочки и, рѣзвясь, пощипывали рѣчную травку. Козлоногiй богъ зналъ горе Психеи, подозвалъ ее къ себѣ и сталъ успокоивать ее, изнуренную и больную. „Моя умница-дѣвочка“, сказалъ онъ, „я, правда, мужикъ и пастухъ, но старость умудрила меня долгимъ опытомъ. Если я правильно понимаю истину, то, судя по твоей неровной и колеблющейся походкѣ, по чрезмѣрной блѣдности твоего лица, по твоимъ печальнымъ глазамъ и безпрерывнымъ вздохамъ, ты страдаешь отъ несчастной любви. Послушайся же меня и не покушайся болѣе на свою жизнь. Перестань печалиться, а лучше обратись къ великому Амуру

съ мольбой и заслужи его покорной лаской, потому что онъ юноша изнѣженный и невоздержный".

Такъ сказалъ ей богъ пастуховъ. Психея ни слова не отвѣтила и, только воздавъ ему должныя почести за его спасительный совѣтъ, продолжала свой путь. Долго и трудно было ея странствованіе, и лишь съ закатомъ солнца добрела она случайно до того города, въ которомъ властвовалъ мужъ одной изъ ея сестеръ. Узнавъ это, Психея извѣстила сестру о своемъ прибытіи, и ее тотчасъ же пригласили къ ней. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, Психея, высвободившись изъ объятій сестры, на ея вопросъ о причинѣ своего появленія, отвѣтила: „помнишь, ты съ сестрой посовѣтовали мнѣ зарѣзать острымъ ножемъ то чудовище, которое подъ самозваннымъ именемъ моего супруга раздѣляло со мною ложе, чтобы оно не проглотило меня, горемычной, своей алчной пастью. Но когда я, послушавшись васъ, озарила свѣтомъ лампы его образъ, моимъ глазамъ предстало дивное, божественное зрѣлище: я увидѣла знаменитаго сына Венеры, да, я увидѣла самого Амура, покоившагося сладкимъ сномъ. Восхищенная его чудной красотой, я стояла, вся дрожа отъ наслажденія и неудовлетворенной страсти. Но въ это время, по роковой случайности, съ лампы брызнула не плечо Амура капля горячаго масла. Мгновенно пробудившись отъ боли, онъ увидѣлъ меня съ ножемъ и лампой въ рукѣ и воскликнулъ: „за твое коварное преступленіе уйди прочь отъ этого ложа! Я разлучаюсь съ тобой навѣки, и вмѣсто тебя возьму въ свои супружескія объятія твою сестру"... и онъ назвалъ тебя. И въ ту же минуту велѣлъ онъ Зефиру изгнать меня изъ своего чертога.

Еще звучали слова Психеи, какъ ея сестра, солгавъ мужу, будто она узнала про смерть своихъ родителей, въ порывѣ безумной страсти бросилась на корабль и помчалась прямо къ извѣстному ей утесу. Тогда дулъ уже не тотъ вѣтеръ, что прежде, но она, ослѣпленная надеждой, съ громкимъ крикомъ: „возьми, возьми меня, Амуръ, свою достойную супругу, а ты, Зефиръ, подхвати свою госпожу!" — смѣло бросилась внизъ. Гибеленъ былъ ея прыжокъ, и она даже мертвой

не могла достигнуть долины, потому что скалистые утесы растерзали ея тѣло, и ея изуродованные члены по заслугамъ сдѣлались добычей хищныхъ звѣрей и птицъ. И для другой преступницы не замедлила кара, потому что Психея въ своемъ странствованіи дошла и до того города, гдѣ жила ея вторая сестра. Обманутая тою же выдумкой и завидуя мнимой свадьбѣ сестры, та поспѣшила къ утесу и нашла себѣ тамъ такую же гибель.

Между тѣмъ какъ Психея бродила по разнымъ странамъ, сгорая желаніемъ отыскать Амура, онъ въ это время, страдая отъ обжога, лежалъ въ опочивальнѣ своей матери.— Вотъ чайка, та бѣлоснѣжная птица, которая плещетъ крыльями по поверхности водъ, поспѣшно опустилась на глубокое лоно океана. Она приблизилась къ купавшейся Венерѣ и сообщила ей вѣсть, что Амуръ тяжко страдаетъ отъ полученнаго обжога и лежитъ на одрѣ болѣзни, отчаиваясь въ своемъ выздоровленіи. „Вся семья Венеры“, говорила птица, „уже пользуется дурной славой у народовъ: твой сынъ удалился для любовныхъ похожденій на гору, а ты сама увлеклась плаваньемъ, и вотъ почему нѣтъ больше на землѣ наслажденій, нѣтъ восторговъ любви, нѣтъ веселья; все теперь стало безобразно, скучно, мертво. Прекратились свадебныя торжества, исчезла дружба, нѣтъ дѣтской привязанности,—остались только грязная невоздержность и горькое пресыщеніе страстей.“ Такъ жужжала Венерѣ въ уши эта болтливая сплетница-птичка, оскорбляя честь Амура. Наконецъ, Венера въ сильномъ гнѣвѣ воскликнула: „такъ, значитъ, мой милый сынъ имѣетъ какую-то возлюбленную? Скажи же ты, моя единственная преданная рабыня, скажи мнѣ имя той, которая обольстила моего благороднаго, незрѣлаго мальчика! Кто она? Нимфа ли, или одна изъ множества Горъ и Музъ или, быть можетъ, какая-нибудь изъ окружающихъ меня Грацій [1])?“ Не молчала словоохотливая птица: „не знаю, владычица, но мнѣ

---

[1]) Горы—три богини временъ года. Музы — богини-представительницы различныхъ родовъ поэзіи, искусствъ и наукъ. Граціи или Хариты—богини красоты и веселья, олицетворявшія собою свѣтлую, праздничную жизнь.

кажется, что его страстно любитъ смертная дѣвушка, если не ошибаюсь, зовутъ ее Психеей". Тутъ Венера закричала въ страшномъ негодованіи: „А, такъ онъ любитъ Психею, эту соперницу моей красоты, присвоившую себѣ мое имя! Значитъ, мой сынокъ считаетъ меня сводницей, по указанію которой онъ могъ сойтись съ этой дѣвушкой? Хорошо же!" Съ этими словами она вынырнула изъ океана и сейчасъ же направилась къ золотому чертогу. Увидѣвъ тамъ, дѣйствительно, своего сына больнымъ, она остановилась у дверей и громко разразилась такими упреками: „развѣ это прилично, развѣ это достойно моего сына и нашего положенія, что ты попираешь ногами приказанія своей матери, своей повелительницы, что ты не только не обрекъ моей соперницы на отвратительный бракъ, но и самъ,—по лѣтамъ еще ребенокъ,—своевольно заключилъ ее въ свои незрѣлыя объятія, и я такимъ образомъ должна имѣть ее своей невѣсткой? Быть можетъ, ты, безсердечный соблазнитель и бездѣльникъ, считаешь только себя благороднымъ по происхожденію и думаешь, что я по своему возрасту уже не могу родить тебѣ брата? Такъ знай же: я дамъ жизнь еще одному, лучшему сыну... Нѣтъ! чтобы ты еще сильнѣе почувствовалъ свое униженіе, я вотъ что сдѣлаю: я усыновлю одного изъ своихъ маленькихъ рабовъ и передамъ ему твои крылья, и факелъ, и стрѣлы и все, все, что я тебѣ когда то подарила не для такого употребленія... Вѣдь ты не наслѣдовалъ ни одного изъ достоинствъ твоего отца [1]); съ ранняго дѣтства ты уже дурно велъ себя; твои руки никогда не знали удержу, и ты непочтительно билъ ими своихъ родителей. Даже меня, меня самое, твою мать, ты, негодный, такъ часто поражалъ своими стрѣлами и, не обращая вниманія на то, что я замужемъ, поступалъ со мною такъ, какъ если бы я была вдовою... Ты не боялся даже своего отчима [2]), этого величайшаго и храбрѣйшаго воина. Мало того: сколько разъ ты, на зло и

[1]) Юпитеръ. По нѣкоторымъ варіантамъ миѳа, Амуръ сынъ Венеры и Юпитера.

[2]) Марсъ.

огорченіе мнѣ, доставлялъ ему дѣвушекъ для прелюбодѣянія! Но постой: я заставлю тебя раскаяться въ своихъ продѣлкахъ, и горькимъ покажется тебѣ твой медовый мѣсяцъ!... Однако, что же мнѣ, осмѣянной, дѣлать теперь? Куда мнѣ обратиться, какъ наказать этого коварнаго мальчишку? Искать ли мнѣ помощи у моего недруга—Воздержности, которую я такъ часто оскорбляла разгульными выходками моего сынка? Неужели мнѣ вступить въ переговоры съ этой неуклюжей, угрюмой женщиной? О, какъ это противно! Но что дѣлать! Нельзя отвергать утѣшенія мести, откуда бы оно не являлось. Да, да—къ ней я должна прибѣгнуть, только къ ней. Она строго накажетъ этого плута, она отниметъ у него колчанъ и стрѣлы, отниметъ лукъ, потушитъ факелъ, да и его самого не погладитъ по головкѣ. Да, только въ томъ случаѣ я буду удовлетворена, когда она сниметъ съ него его золотистые волосы, которые я часто расчесывала собственными руками, когда она отрѣжетъ крылья, которыя я держала на колѣняхъ и орошала нектаромъ". Съ этими словами она вышла, разгнѣванная, насколько Венера можетъ быть разгнѣванной...

Вышла она, а на встрѣчу ей Церера и Юнона [1]). Увидя ея взволнованное и огорченное лицо, онѣ спросили ее, почему она омрачаетъ красоту своихъ блестящихъ очей грозно нахмуренными бровями. Она имъ въ отвѣтъ: „вы пришли очень кстати для успокоенія моего пылающаго сердца. Умоляю васъ: напрягите всѣ свои силы и отыщите мнѣ эту вѣтренную бѣглянку Психею. Вѣдь вы знаете позорную молву о моей семьѣ, о продѣлкахъ моего несноснаго сынка?" Онѣ, прекрасно зная, въ чемъ дѣло, пытались успокоить раздраженную Венеру. „Повелительница", говорили онѣ, „что ты такъ безпощадно нападаешь на его любовныя проказы и даже стремишься погубить ту, кого онъ любитъ? Скажи, пожалуйста, развѣ это преступленіе, что онъ охотно заигрываетъ съ миловидной дѣвушкой? Развѣ ты не знаешь, что онъ уже юноша,

---

[1]) Церера—богиня плодородія. Юнона—величайшая изъ богинь, сестра и супруга Юпитера.

или, быть можетъ, ты забыла, сколько ему лѣтъ отъ роду! Не считаешь ли ты его мальчикомъ, потому что онъ слишкомъ очаровательнъ для своего возраста? Неужели ты, мать, и притомъ умная женщина, будешь постоянно слѣдить за сердечными дѣлами твоего сына, порицать его страсти, и на немъ, этомъ прекрасномъ юношѣ, вымещать свои собственныя шашни? Но, вѣдь, ни одинъ богъ, ни одинъ человѣкъ не допустятъ, чтобы ты распространяла среди людей страсти, когда ты сама изгоняешь любовь изъ своего семейства и закрываешь главную фабрику женскихъ грѣшковъ"... Такъ услужливо защищали онѣ отсутствовавшаго Амура, потому что боялись его стрѣлъ. Но Венера, обидѣвшись, что ея огорченія обращены въ шутку, отстала отъ своихъ спутницъ и быстрымъ шагомъ направилась къ морю.

Между тѣмъ, удрученная горемъ Психея странствовала днемъ и ночью и розыскивала своего супруга, чтобы, если не смягчить его сердца супружескими ласками, то, по крайней мѣрѣ, умилостивить его униженными мольбами. Однажды увидѣла она на вершинѣ высокой горы какой то храмъ. „Кто знаетъ", воскликнула она: „быть можетъ, тамъ проводитъ свои дни мой милый мужъ и повелитель! И хотя она была такъ утомлена безпрерывными лишеніями, что ее поддерживали только надежда и страстное желаніе увидѣть Амура,— она поспѣшно взошла на гору и направилась къ божественному жилищу. Увидѣла она тамъ колосья ржи, одни—набросанные кучей, другіе связаннные вмѣстѣ; увидѣла также и колосья ячменя. Были тамъ серпы и всѣ другія орудія для жатвы, но все было безпорядочно и небрежно разбросано, будто руками усталыхъ рабочихъ во время сильнаго зноя. Психея стала все это приводить въ порядокъ, потому что въ своемъ благочестіи она понимала, что ей вовсе не пристало пренебрегать поклоненіемъ какому бы то ни было божеству, а, наоборотъ, надо испрашивать состраданія и благоволенія у всѣхъ боговъ. За этой усердной работой ее застала благодатная Церера. „Какъ", сказала богиня, „это ты, бѣдная Психея? Венера въ гнѣвной тревогѣ розыскиваетъ тебя по всей землѣ, желая тебя безпощадно наказать, и всѣми

силами своего божества стремится къ мести,—а ты въ это время заботишься о моихъ зернахъ и можешь думать о чемъ либо другомъ, кромѣ своего спасенія?“ Въ отвѣтъ на это Психея бросилась къ ногамъ Цереры и, орошая ихъ потокомъ слезъ, разметавъ по землѣ свои кудри, стала горячо умолять богиню о покровительствѣ. „Заклинаю тебя“, молила она, „твоей плодоносной десницей, веселымъ сборомъ жатвы, таинствомъ твоихъ жертвенныхъ сосудовъ, заклинаю тебя крылатыми колесницами твоихъ рабовъ драконовъ, бороздами сицилійской земли; заклинаю тебя мрачнымъ бракомъ твоей дочери Прозерпины, похищенной Плутономъ, и ея радостнымъ возвращеніемъ; заклинаю всѣмъ, что таится подъ безмолвной сѣнью элевзинскаго святилища [1]),—спаси меня, спаси жизнь несчастной Психеи, склоняющей предъ тобою колѣни! Дозволь мнѣ скрыться и провести хоть нѣсколько дней за этой копной, пока не пройдетъ ужасный гнѣвъ великой богини или по крайней мѣрѣ, пока не окрѣпнутъ мои силы, изнуренныя долгимъ страданіемъ!“

Ей отвѣтила Церера: „я тронута твоими слезами и мольбами и хотѣла бы тебѣ помочь, но я не могу ссориться съ моей родственницей, которая къ тому же и отличная женщина, и меня связываетъ съ нею старинная дружба. Удались же поскорѣй отсюда и будь довольна тѣмъ, что я не задерживаю тебя здѣсь“.

Обманутая въ своей надеждѣ, еще болѣе опечаленная, Психея пошла дальше. Вотъ увидѣла она глубокую долину, а за нею тѣнистую рощу, среди которой высился храмъ, построенный съ дивнымъ искусствомъ. Желая испытать все, что могло подавать хоть слабую надежду на улучшеніе ея судьбы, и готовая молить всѣхъ боговъ о снисхожденіи, Психея приблизилась къ священнымъ дверямъ. Ея глазамъ пред-

---

[1]) Всѣ эти заклинанія указываютъ на культъ Цереры, какъ богини плодородія и жатвы. Дочь Цереры Прозерпина была похищена Плутономъ, богомъ подземнаго царства. Читатели, вѣроятно, помнятъ «Жалобу Цереры» Шиллера, въ прекрасномъ переводѣ Жуковскаго.

Элевзинъ—городъ Аттики, славившійся своимъ полнымъ таинствъ культомъ Деметры (Цереры) и ея дочери.

стали роскошные дары и висѣвшія на деревьяхъ и колоннахъ затканныя золотомъ платья, на которыхъ вмѣстѣ съ благодарностью за оказанную милость было обозначено имя богини, которой они посвящались. Опустившись на колѣни, Психея вытерла слезы, обхватила руками алтарь и взмолилась: „о, великая сестра и супруга Юпитера! Пребываешь ли ты теперь въ древнемъ храмѣ Самоса, прославленнаго твоимъ рожденіемъ, первымъ плачемъ твоего дѣтства [1]), шествуешь ли ты по благодатной землѣ высокаго Карѳагена, который чтитъ тебя, какъ дѣву, вознесшуюся къ небесамъ на запряженной львами колесницѣ [2]); охраняешь ли ты знаменитыя стѣны Аргоса на берегахъ Инаха [3]), который знаетъ тебя, уже какъ супругу Громовержца и царицу богинь; ты, которую и востокъ, и западъ величаютъ богиней родовъ? О, будь для меня Юноной-Спасительницей, сжалься надъ моимъ несчастьемъ и освободи меня, изнуренную вынесенными страданіями, отъ ужаса грозящей опасности. Вѣдь я знаю, что ты всегда готова помочь тѣмъ женщинамъ, которымъ грозятъ муки родовъ [1]).“ Такъ молилась Психея, и сейчасъ же во всемъ величіи своего божества явилась предъ нею Юнона и сказала: „какъ сильно желала бы я склониться на твои просьбы и помочь тебѣ! Но честь не позволяетъ мнѣ идти наперекоръ желаньямъ моей невѣстки Венеры, которую я всегда любила, какъ родную дочь; кромѣ того, и законъ запрещаетъ принимать чужихъ рабовъ, бѣжавшихъ отъ своихъ господъ“.

Совершенно уничтоженная этимъ вторымъ ударомъ судьбы, Психея отказалась отъ всякой надежды найти своего крылатаго супруга. „Что же“, думала она, „можетъ облегчить мою горесть, если для этого безсильны даже желанія богинь? Куда

---

1) Психея перечисляетъ всѣ тѣ мѣстности, въ которыхъ особенно процвѣталъ культъ Юноны (Геры).

2) По самосскому преданію Гера 300 лѣтъ жила въ тайномъ бракѣ съ Зевсомъ, пока онъ не объявилъ ея открыто своею супругой и царицей боговъ.

3) Инахъ—древнѣйшій царь Аргоса, собственно богъ одноименной рѣки. Когда Посейдонъ спорилъ съ Герой за обладаніе Аргосомъ (городъ въ пелопоннесской области—Арголидѣ), Инахъ рѣшилъ споръ въ пользу Геры.

1) Указаніе на дѣятельность Юноны, какъ богини родовъ.

направить мнѣ шаги, когда я опутана такой сѣтью? Гдѣ, подъ какимъ покровомъ, въ какомъ тайникѣ, могу я укрыться отъ всюду проникающихъ очей великой Венеры? И если бы я, наконецъ, рѣшилась повѣрить слабому проблеску надежды и добровольно явиться къ моей повелительницѣ, то, не знаю смягчила ли бы я позднимъ раскаяніемъ ея безпощадную вражду... И развѣ я увѣрена, что найду въ чертогѣ его матери того, кого такъ долго ищу?"

Тѣмъ не менѣе она рѣшилась не скрываться больше и, покорясь, подвергнуть себя сомнительному исходу, быть можетъ даже гибели; и стала она обдумывать, какъ приступить ей къ мольбамъ о помилованіи.

Между тѣмъ Венера прекратила свои поиски на землѣ и рѣшила отправиться на небеса. Она приказала запречь изящно отдѣланную и украшенную золотомъ колесницу, которую ей поднесъ Вулканъ, какъ первый свадебный подарокъ. Изъ стаи голубей, кружившихся надъ опочивальней богини, выпорхнули четыре бѣлоснѣжныхъ голубка и, наклонивъ подъ блестящее ярмо колесницы свои радужныя шейки, радостно помчали свою госпожу. За колесницей Венеры съ веселымъ щебетаньемъ полетѣли воробьи, а пѣвчія птички, оглашая воздухъ чудными мелодіями, привѣтствовали богиню. Исчезли облака, небо открылось для своей дочери, и эфиръ восторженно принялъ ее. Ни орла, ни хищнаго ястреба не боялась пѣвучая свита Венеры. Богиня направилась прямо къ царскому чертогу Юпитера и гордо потребовала необходимой ей службы Меркурія. И Юпитеръ не нахмурилъ въ знакъ отказа своихъ темныхъ бровей. Ликуя, вошла Венера въ небеса въ сопровожденіи Меркурія, озабоченно нашептывая ему: „ты знаешь, мой дорогой братъ, что твоя сестра Венера ничего не дѣлаетъ безъ твоего согласія; тебѣ извѣстно также, какъ долго и безуспѣшно я розыскиваю убѣжище, въ которомъ скрывается моя рабыня. Мнѣ остается только попросить тебя, чтобы ты публично обѣщалъ награду тому, кто ее найдетъ. Исполни же какъ можно скорѣе мое порученіе и сообщи ея примѣты, чтобы никто не могъ оправдаться незнаніемъ, если преступно скроетъ ее у себя". Съ

этими словами она подала ему свертокъ, въ которомъ было обозначено имя Психеи и всѣ ея примѣты. Венера удалилась обратно къ себѣ, а Меркурій исполнилъ повелѣніе и облетѣлъ всѣ страны, громогласно провозглашая: „кто воротитъ съ пути или укажетъ мѣстопребываніе бѣжавшей дочери царя, рабыни Венеры, по имени Психеи, тотъ пусть встрѣтится съ Меркуріемъ подъ колоннадой изъ миртъ, и тамъ онъ за свои указанія получитъ отъ самой Венеры семь сладостныхъ поцѣлуевъ и лобзанія прелестныхъ устъ“. Эти слова Меркурія возбудили обѣщаніемъ такой плѣнительной награды всеобщее усердіе и укрѣпили Психею въ ея рѣшеніи немедленно повиниться предъ Венерой. Она приблизилась къ жилищу своей владычицы; у дверей ее встрѣтила одна изъ прислужницъ Венеры, по имени Привычка, и набросилась на нее съ громкимъ крикомъ: „наконецъ-то, негодная рабыня, ты вспомнила, что у тебя есть госпожа! Или, быть можетъ, ты по своей прирожденной лживости, станешь притворяться, будто не знаешь, сколькихъ усилій намъ стоило розыскивать тебя? Хорошо, что ты попалась въ мои руки, словно въ клешни ада; ты сейчасъ же будешь наказана за свою дерзость“. И она схватила несопротивлявшуюся Психею за волосы и потащила ее къ Венерѣ. Богиня, увидавъ ее предъ собой, разразилась торжествующимъ хохотомъ и, почесывая себѣ правое ушко, сказала: „А, добро пожаловать! Наконецъ то ты удостоила придти съ привѣтомъ къ своей свекрови! Или, быть можетъ, ты явилась навѣстить своего супруга, который теперь страдаетъ, раненный тобою? Во всякомъ случаѣ, будь спокойна: я окажу тебѣ пріемъ, достойный такой доброй невѣстки, какъ ты... „Эй! воскликнула она, гдѣ мои рабыни Тоска и Печаль?“ Тѣ вошли, и Венера поручила имъ наказать Психею. Онѣ исполнили повелѣніе своей госпожи и, избивъ Психею бичами, привели ее снова къ Венерѣ. Богиня злобно и насмѣшливо сказала: „смотрите, она хочетъ разжалобить меня своей беременностью! Да, вѣдь, она скоро сдѣлаетъ меня счастливой бабушкой прекраснаго ребенка... Въ самомъ дѣлѣ, какое счастье! Во цвѣтѣ лѣтъ я буду бабушкой, и сынъ презрѣнной рабыни будетъ внукомъ Венеры! Впрочемъ, что я говорю—„сынъ!“ Вѣдь неравный бракъ, со-

вершенный притомъ въ деревенскомъ домѣ, безъ свидѣтелей и отцовскаго благословенія, не можетъ считаться дѣйствительнымъ [1]), и плодъ его будетъ незаконнымъ, если я только, вообще, позволю ей выносить ребенка! Съ этими словами она набросилась на Психею, разорвала ей платье, вцѣпилась въ ея волосы и жестоко прибила ее. Затѣмъ она взяла жито, ячмень, овесъ, макъ, горохъ, чечевицу и бобы и, смѣшавъ все это въ одну кучу, сказала дѣвушкѣ! „рабыня, по моему ты такъ безобразна, что только усердной работой можешь привлечь къ себѣ жениховъ; ну, и я хочу испытать твое прилежаніе. Разбери эту кучу перемѣшанныхъ сѣмянъ и разложи ихъ по родамъ; ты должна все это кончить къ вечеру". Такъ сказавъ, она удалилась на какой-то брачный пиръ. А Психея даже не дотронулась до безпорядочной кучи и потрясенная огромной трудностью заданной работы, словно окаменѣла въ безмолвіи. Но въ это время маленькій муравей, привыкшій къ такимъ работамъ, сжалился надъ своей новой товаркой по занятіямъ и возмущенный жестокостью богини-свекрови, бросился въ разныя стороны и созвалъ цѣлый рой сосѣдей-муравьевъ. „Сжальтесь", говорилъ онъ, „проворные питомцы общей матери-земли, сжальтесь и немедленно явитесь на помощь бѣдной, милой дѣвушкѣ, возлюбленной Амура! Скорѣй, скорѣй!" И вотъ примчались цѣлыя массы шестиножекъ и, усердно разобравъ всю кучу, поспѣшно исчезли. Ночью возвратилась Венера, разгоряченная виномъ, благоухая бальзамомъ, все тѣло ея было увито дивными розами. Увидя, какъ успѣшно справилась Психея со своей задачей, она сказала: „я знаю, негодница, это работа не твоихъ рукъ, а того, кому ты понравилась на свое и его горе". И бросивъ ей кусокъ хлѣба, она удалилась на покой. А между тѣмъ Амуръ былъ запертъ въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ дворца, для того чтобы онъ не разбередилъ своей раны шаловливыми выходками и чтобъ не сошелся со своей возлюбленной. Такъ провели эту мрачную ночь разлучные подъ одною кровлей любовники. Но лишь только показалась Аврора,

1) На основаніи одного изъ установленій римскаго права.

Венера позвала Психею и сказала ей: „видишь ты эту рощу, достигающую высокихъ скалъ и рѣки, глубокіе водовороты которой приближаются къ сосѣднему источнику? Тамъ, въ этой рощѣ, никѣмъ не стерегомыя пасутся овцы съ блестящей золотою шерстью. Я хочу, чтобы ты какъ-нибудь добыла и сейчасъ же принесла мнѣ клокъ этой драгоцѣнной шерсти". Психея съ радостью отправилась по указанію богини, но не для того, чтобы исполнить ея повелѣніе, а для того чтобы броситься съ вершины утеса въ рѣку и этимъ положить конецъ своимъ страданіямъ. Но съ рѣки донеслось къ ней нѣжное рокотанье зеленоватой нимфы Арундо [1]), этой матери чудной музыки. „Психея",—такъ шептала она,—„Психея, хоть ты и удручена горемъ, но не оскверняй моихъ священныхъ водъ твоею грустной смертью. Впрочемъ, и не пытайся проникнуть на тотъ берегъ, къ ужаснымъ овцамъ, потому что, воспламененныя жаромъ солнца, онѣ приходятъ въ страшное бѣшенство и своими острыми рогами, твердыми лбами, а иногда ядовитыми укушеніями грозятъ всѣмъ смертнымъ. Но когда смягчится солнечный зной и, наслаждаясь прохладой, животныя отдохнутъ у воды, ты можешь спрятаться подъ тѣмъ высокимъ платаномъ, который пьетъ ту же волну, что и я, и послѣ того, какъ овцы освободятся отъ своего бѣшенства, ты въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ тѣснились, пробиваясь сквозь вѣтви сосѣдней рощи, найдешь висящіе на древесныхъ стволахъ клочки золотистой шерсти". Такъ добрая и кроткая Арундо давала несчастной Психеѣ спасительные совѣты. Психея, конечно, внимательно выслушала ихъ и, не замедливъ сдѣлать все, что слѣдовало, принесла Венерѣ полную пазуху мягкаго, желтаго золота. Но и этотъ второй подвигъ не умилостивилъ богини. Нахмуривъ брови, она сказала съ горькой усмѣшкой: „я знаю, что и это совершилъ за тебя твой возлюбленный. Но теперь я окончательно испытаю, дѣйствительно-ли ты одарена такимъ мужествомъ и необыкновенной мудростью. Видишь ты вершину этой крутой скалы,

---

[1]) Arundo значитъ, собственно, «тростникъ», изъ котораго дѣлали между прочимъ свирѣли.

съ которой низвергаются мутныя волны чернаго источника, орошающаго Стигійскія болота и питающаго глухо-звучащія воды Коцита? Вотъ оттуда сейчасъ же принеси мнѣ въ этой урнѣ холодной, какъ ледъ, воды, почерпнутой изъ глубины источника". Съ этими словами она подала Психеѣ хрустальную вазочку, осыпавъ притомъ бѣдную дѣвушку страшными угрозами. Психея быстрыми шагами направилась къ вершинѣ горы, нисколько не сомнѣваясь, что тамъ найдетъ она конецъ своей горемычной жизни. Лишь только подошла она къ горѣ, ей предстали неодолимыя препятствія. Огромный утесъ извергалъ изъ глубины своихъ камней бѣшеные потоки; стремительно вырываясь изъ узкой разсѣлины, они по проторенному руслу впадали въ сосѣднюю долину. Съ правой и лѣвой стороны утеса стояли наводившіе ужасъ драконы; ихъ шеи были вытянуты, глаза постоянно бодрствовали, зрачки всегда были на сторожѣ. Кромѣ того, устрашали и самыя воды, одаренныя человѣческимъ голосомъ: ежеминутно раздавались изъ ихъ глубины слова: „уйди! что ты здѣсь дѣлаешь? уйди! берегись! ты погибнешь!" Пораженная ужасомъ Психея, лишилась чувствъ; видя неминуемую гибель, она оцѣпенѣла, и даже слезы—это послѣднее утѣшеніе—не оросили ея глазъ. Но отъ кроткихъ очей Провидѣнія не укрылось горе невинной души: царственная птица Юпитера, быстрый орелъ внезапно появился съ распростертыми крыльями надъ несчастной дѣвушкой. Помня старую услугу Амура, при помощи котораго онъ похитилъ для Юпитера фригійскаго мальчика [1]), орелъ готовъ былъ теперь выказать богу свою признательность и помочь его возлюбленной. И вотъ онъ оставилъ высокіе чертоги Юпитера, коснулся крыльями лица дѣвушки и сказалъ ей: „ахъ ты, простодушная и неопытная бѣдняжка! Неужели ты думаешь, что можно почерпнуть хоть одну каплю изъ этого священнаго, но тѣмъ не менѣе гибельнаго источника? Развѣ ты никогда не слышала, что даже богамъ, даже Юпитеру страшны Стигійскія воды, что, подобно тому какъ

---

1) Ганимеда, сына царя Троя. Это былъ красавецъ-мальчикъ, котораго Зевсъ похитилъ при помощи орла и сдѣлалъ своимъ виночерпіемъ.

вы клянетесь богами, они, боги, клянутся величіемъ Стикса? Но дай сюда твою чашу". И онъ быстро схватилъ когтями урну и, удерживая равновѣсіе своими колеблющимися крыльями, сталъ черпать въ нее сопротивлявшуюся и угрожавшую воду. Ему приходилось уклоняться отъ свирѣпыхъ драконовъ, и для того чтобы легче приблизиться къ водѣ, онъ солгалъ ей, будто дѣйствуетъ по приказанію и для блага Венеры. Глубоко обрадованная, получила Психея чашу, полную воды, и поспѣшно отнесла ее Венерѣ. Но и теперь не смягчила она гнѣва богини. Осыпая ее угрозами и ядовито улыбаясь, сказала ей Венера: „да ты какая-то злая волшебница и потому такъ успѣшно исполняешь мои приказанія!.. Но вотъ что, душечка, должна будешь ты еще сдѣлать... На, возьми эту коробочку и отправься съ нею въ подземное царство, къ мрачнымъ обитателямъ Тартара. Тамъ подай ее Прозерпинѣ и скажи: „Венера проситъ, чтобы ты удѣлила ей немного изъ своей красоты, ну хоть столько, чтобъ ей было достаточно, по крайней мѣрѣ, на одинъ день. А свою собственную прелесть она потеряла во время ухода за больнымъ сыномъ". Такъ пойди, но не возвращайся слишкомъ поздно, потому что я должна еще сегодня посѣтить собраніе боговъ, на которомъ хочу быть украшенной даромъ Прозерпины". Психея поняла, что насталъ ея послѣдній часъ и что ей надо, оставивъ безплодныя мольбы, идти на встрѣчу своей гибели. Какъ же не гибели? Вѣдь она принуждена собственными ногами ступать по тартару, посѣтить безплотныя тѣни!

Не медля ни минуты, пошла она къ высокой башнѣ, чтобы съ ея вершины броситься внизъ; такъ думала она удобнѣе и скорѣе всего достигнуть тартара. Но внезапно заговорила съ нею богиня: „несчастная, зачѣмъ ты хочешь ринуться внизъ? Почему ты падаешь духомъ при грозящей тебѣ опасности? Вѣдь если твой духъ разстанется съ тѣломъ, то ты, конечно, проникнешь въ Тартаръ, но ужъ назадъ ни за что не вернешься... Послушайся же меня: недалеко отсюда находится Лакедемонъ, знаменитый городъ Ахеи. Вблизи него

лежитъ уединенный Тенаръ [1]), и вотъ оттуда трудно проходимый путь ведетъ чрезъ зіяющую разсѣлину въ подземное царство. Если ты отважишься ступить на него, ты дойдешь прямо до дворца Оркуса. Но не съ пустыми руками должна ты проникнуть въ эту мрачную обитель, нѣтъ: въ обѣихъ рукахъ должна ты имѣть пшеничныя лепешки съ медомъ, а во рту—двѣ мелкія монеты. Когда ты пройдешь уже большую часть смертоноснаго пути, тебѣ встрѣтится хромой оселъ, нагруженный дровами; рядомъ съ нимъ будетъ шествовать похожій на него носильщикъ, который попроситъ тебя, чтобы ты подняла и подала ему нѣсколько выпавшихъ изъ связки полѣнъ,—но ты, не говоря ни слова, пройди мимо. Затѣмъ, какъ только ты очутишься около рѣки мертвецовъ, Харонъ [2]) сейчасъ же потребуетъ у тебя платы за провозъ, потому что только при этомъ условіи переправляетъ онъ въ плетеной ладьѣ путниковъ на противоположный берегъ".

—„Значитъ", подумала Психея, „и среди мертвецовъ царитъ корыстолюбіе, и даже такой богъ, какъ Харонъ, отецъ Плутона, ничего не дѣлаетъ безвозмездно... Значитъ, бѣднякъ, умирая, долженъ заботиться о деньгахъ на дорогу, и если нѣтъ у него въ рукахъ монеты, его не пустятъ спокойно умереть..."

„Такъ вотъ", продолжалъ голосъ, "этому грязному старцу ты дашь одну изъ монетъ, но непремѣнно такимъ образомъ, чтобы онъ самъ своей собственной рукой вынулъ ее изъ твоего рта. Далѣе, когда ты будешь переплывать медленно текущую рѣку, ты увидишь на волнахъ какого-то мертваго старика. Простирая увядшія руки, онъ станетъ молить тебя, чтобы ты приняла его въ лодку, но ты не оказывай ему этой незаконной услуги. Когда же, наконецъ, ты причалишь къ берегу, то, пройдя немного впередъ, замѣтишь старухъ-ткачихъ. Укрѣпляя свои станки, онѣ попросятъ тебя немного помочь имъ, но ты не слушайся ихъ, потому что все это и

---

[1]) Тенаръ—мысъ на югѣ Греціи (нынѣ—Матапанъ). Около него находилось одно изъ тѣхъ мѣстъ, которыя, по вѣрованію древнихъ, служили входами въ Тартаръ.

[2]) Харонъ—старый, грязный перевозчикъ въ подземномъ царствѣ.

еще многое другое будетъ лишь кознями Венеры: ей хочется, чтобы ты выпустила изъ рукъ по крайней мѣрѣ одну лепешку. Не думай, что эта повидимому ничтожная потеря не важна; нѣтъ, если ты потеряешь и другую, то тогда больше не увидишь солнечнаго свѣта. Ибо огромный трехголовый [1]) песъ, тщетно пытаясь устрашать мертвыхъ своимъ вырывающимся изъ громко звучащихъ пастей лаемъ (ничѣмъ другимъ онъ ихъ пугать не можетъ), постоянно лежитъ у порога мрачнаго жилища Прозерпины и охраняетъ пустынный дворецъ Плутона. Ты безопасно пройдешь мимо него, если умилостивишь его одной лепешкой, и затѣмъ ты явишься къ самой Прозерпинѣ. Она приметъ тебя очень любезно, попроситъ сѣсть и предложитъ великолѣпный завтракъ. Но ты сядь на землю и попроси кусокъ грубаго хлѣба. Потомъ объявляй, зачѣмъ ты пришла и, получивъ просимое, спѣши назадъ. На обратномъ пути успокой ярость пса другой лепешкой и дай жадному перевозчику вторую монету. Затѣмъ ты снова переплывешь рѣку и тою же дорогою вернешься туда, гдѣ сіяетъ хоръ небесныхъ созвѣздій. Но въ особенности совѣтую я тебѣ не открывать коробочки и не заглядывать въ нее; берегись, чтобы твои глаза не видѣли сокровища божественной красоты". Такъ поучалъ ее голосъ утеса. Психея немедленно отправилась въ Тенаръ и, приготовивъ монеты и лепешки, ступила на подземный путь. Безмолвно пройдя мимо хилаго погонщика ословъ, уплативъ монету рѣчному перевозчику, не обративъ вниманія на мольбу мертваго пловца и коварныя просьбы ткачихъ, покоривъ, наконецъ, ужасную ярость Цербера лепешкой, она проникла во дворецъ Прозерпины. Не садясь на предложенное ей гостепріимной хозяйкой кресло, не коснувшись даже роскошныхъ яствъ, она смиренно сѣла у ногъ Прозерпины и, удовольствовавшись кускомъ хлѣба, передала просьбу Венеры. Сейчасъ же получила она наполненную и таинственно закрытую коробочку.

Успокоивъ лаявшаго пса другой лепешкой и отдавъ лодочнику вторую монету, она, значительно ободрившись, уда-

[1]) Церберъ, охранявшій входъ въ подземное царство.

лилась изъ подземнаго царства. Увидѣвъ солнечный свѣтъ, она привѣтствовала его съ благоговѣйной радостью. Но хотя она торопилась исполнить порученіе Венеры, ее тѣмъ не менѣе охватило легкомысленное любопытство. „Неужели“, подумала она, „я, имѣя въ своихъ рукахъ божественную красоту, буду такъ глупа, что не воспользуюсь хотя ничтожной долей ея, чтобы такимъ образомъ получить надежду на вниманіе моего прекраснаго супруга?“ Съ этими словами Психея открыла коробочку: она оказалась пустой, не было въ ней никакой красоты, а былъ только подземный, несомнѣнно стигійскій сонъ. Освободившись отъ крышки, онъ сейчасъ же овладѣлъ Психеей; все тѣло ея покрылось густымъ туманомъ, и она безъ чувствъ упала на землю. И, словно мертвая, лежала она безъ всякаго движенія...

Между тѣмъ Амуръ исцѣлился отъ своей тяжелой раны. Не будучи болѣе въ состояніи переносить долгое отсутствіе Психеи, онъ вылетѣлъ чрезъ высокое окно своей комнаты и, взмахнувъ отдохнувшими въ бездѣйствіи крыльями, быстро помчался къ своей Психеѣ. Прогнавъ сонъ и заключивъ его опять въ коробочку, онъ пробудилъ Психею нѣжнымъ уколомъ своей стрѣлы и сказалъ ей: „бѣдняжка, ты снова чуть-чуть не погибла, благодаря своему любопытству! Ну, исполни теперь поскорѣе приказаніе моей матери, а объ остальномъ я уже самъ позабочусь“. Съ этими словами крылатый любовникъ улетѣлъ, а Психея сейчасъ же отнесла Венерѣ подарокъ Прозерпины.

Амуръ, сгарая отъ любви и боясь неожиданной строгости своей матери, избралъ тотъ образъ дѣйствій, къ которому онъ часто прибѣгалъ уже. Паря на своихъ быстрыхъ крыльяхъ, онъ достигъ небеснаго чертога и обратился къ великому Юпитеру съ мольбой рѣшить его дѣло. Юпитеръ, погладивъ его по щечкѣ и поцѣловавъ, сказалъ ему: „хотя ты, любезный сынокъ, никогда не относился ко мнѣ съ должнымъ почтеніемъ, а, наоборотъ, поражалъ частыми ударами и осквернялъ земною страстью мое сердце, сердце того, кто даетъ законы стихіямъ и опредѣляетъ теченіе свѣтилъ; хотя ты,

наперекоръ всѣмъ постановленіямъ и даже юльевскому [1]), наперекоръ всѣмъ общественнымъ приличіямъ, оскорблялъ мою репутацію, мое значеніе позорными похожденіями, заставляя меня превращать свой свѣтлый обликъ въ презрѣнныя формы то змѣя, то огня, то звѣря, то птицы и даже скота [2]),—я, тѣмъ не менѣе, помня, что ты выросъ на моихъ рукахъ, по своему великодушію исполню твою просьбу. Но остерегайся своихъ соперниковъ и... и если на землѣ теперь какая-нибудь дѣвушка славится своей красотой, ты долженъ предоставить ее мнѣ въ награду за мою услугу..." Такъ сказавъ, онъ велѣлъ Меркурію немедленно созвать на собраніе всѣхъ боговъ, а если кто нибудь не явится,—оштрафовать его въ десять тысячъ золотыхъ монетъ. Боясь этого штрафа, боги сейчасъ же явились въ небесную залу, и Юпитеръ, возсѣдая на высокомъ тронѣ, обратился къ нимъ съ такою рѣчью:

„Боги! Вы, имена которыхъ записаны на скрижаляхъ музъ, вы всѣ знаете этого юношу, моего собственнаго питомца. Вы знаете также и то, что я умѣлъ обуздывать пылкія проявленія его юношескаго задора! Довольно уже порочили его ежедневными росказнями о его любовныхъ продѣлкахъ и обольщеніяхъ; пора уже положить этому конецъ и охладить его страсти брачными узами. Онъ полюбилъ дѣвушку и лишилъ ее невинности: такъ пусть же онъ обладаетъ своей избранницей, пусть приметъ ее въ объятія и наслаждается вѣчной любовью своей Психеи. „А ты", прибавилъ онъ, обратясь къ Венерѣ, „а ты, моя дочь, не печалься, что въ твою знатную семью войдетъ невѣсткою смертная: не безпокойся, я сдѣлаю этотъ бракъ равнымъ и законнымъ". И тутъ же приказалъ онъ Меркурію привести на небеса Психею. Когда она явилась, онъ подалъ ей кубокъ нектара и сказалъ: „выпей это, Психея, и ты станешь без-

---

[1]) Законъ Юлія (Августа) былъ направленъ противъ безбрачія и ограничивалъ наслѣдственныя права людей, не состоящихъ въ бракѣ и бездѣтныхъ.

[2]) Какъ извѣстно, Юпитеръ часто спускался съ небесъ на землю, привлекаемый красотой ся женщинъ. При этомъ онъ измѣнялъ свой божественный видъ; такъ, Ледѣ онъ показался въ видѣ лебедя, предъ Данаей являлся золотымъ дождемъ, предъ Европой—быкомъ, и т. д.

смертной, и Амуръ никогда не уйдетъ изъ твоихъ объятій, и будетъ вѣченъ ашъ союзъ!" Немедленно былъ устроенъ великолѣпный свадебный пиръ. На высокомъ ложѣ покоился новобрачный [1]), держа въ своихъ объятіяхъ Психею. Также возлежали Юпитеръ со своей Юноной и остальные боги. Кубокъ съ нектаромъ подавалъ Юпитеру его виночерпій, знаменитый деревенскій мальчикъ [2]); другимъ услуживалъ Вакхъ. Вулканъ готовилъ явства, Горы все покрывали розами и пурпурными цвѣтами, Граціи струили бальзамъ, Музы оглашали воздухъ чуднымъ пѣньемъ, Аполлонъ пѣлъ подъ звуки гитары, а Венера дивно плясала въ тактъ прекрасной музыкѣ, Сатиръ игралъ на флейтѣ, а маленькій Панъ [3])—на свирѣли.

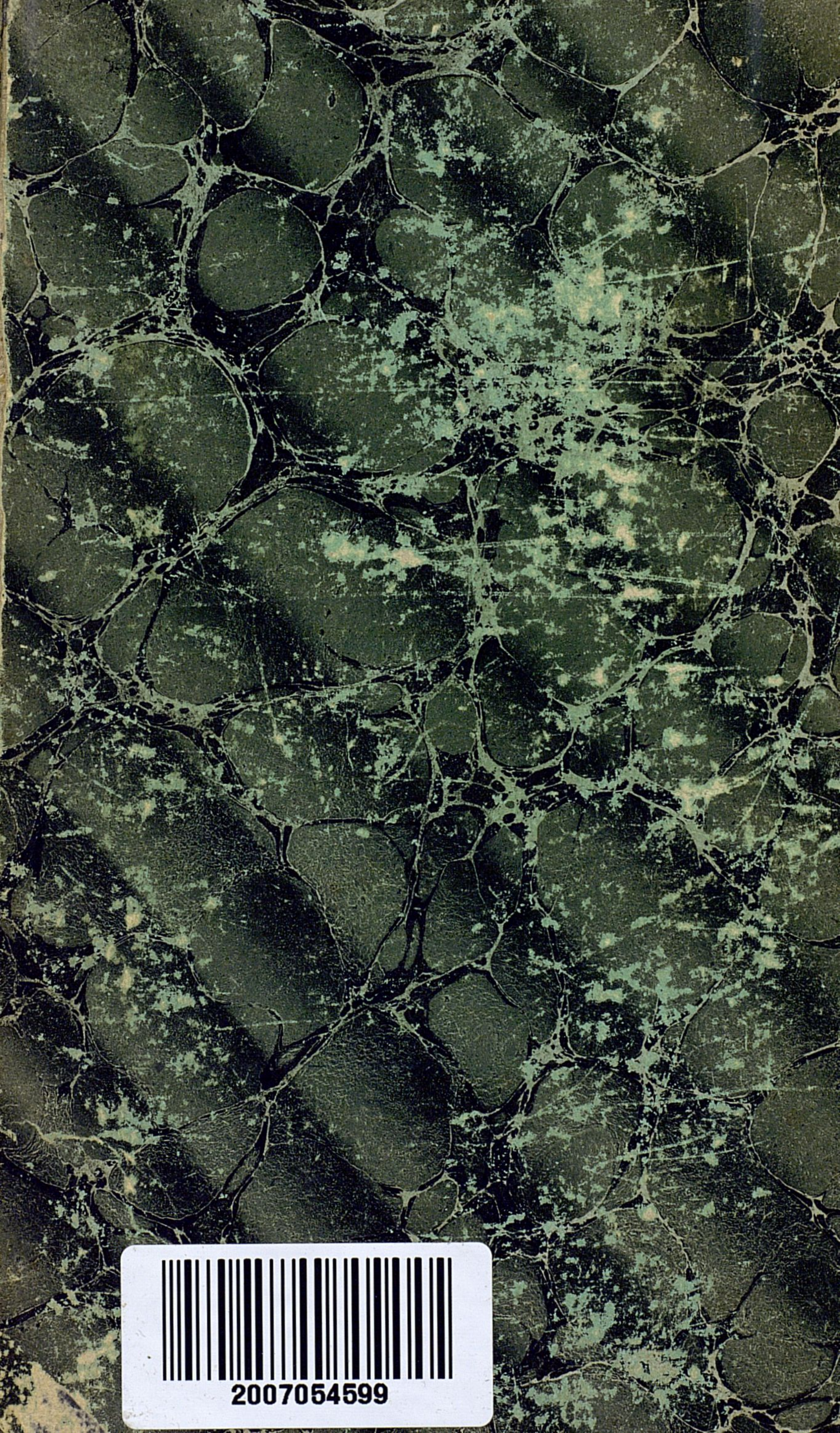
Такъ праздновала Психея свою свадьбу съ Амуромъ. Отъ этого брака у нихъ родилась дочь, и это дитя мы называемъ Наслажденьемъ.

---

[1]) Напоминаемъ читателямъ, что древніе за трапезой не сидѣли, а полулежали.

[2]) Ганимедъ.

[3]) Панъ—символъ, олицетвореніе вселенной. Впослѣдствіи миѳологія создала ему спутниковъ—младшихъ Пановъ. (Panisсus).

2007054599